

В миг, когда Лукреция, Вечная Ведьма, которую одно из воспоминаний Шала признало его настоящей матерью, бесследно исчезла из комнаты, душа Шала убежала в пятки. Так в его жилах текла её кровь... Кровь той, что пришла в его мир с мира по ту сторону передовой. Осознание этого заставило Шала...

Донёсшиеся из улицы потоки ругательств привлекли внимание Шала к пролому в стене. Шал встал на ноги и сам удивился тому... насколько хорошо чувствовалось его тело. Будто он заново родился и очистил своё тело до совершенного состояния. Впервые за долгое время его мысли были чёткими, а разум чистым и ясным. Тень Аемона перед своим исчезновением рассказала ему, почему она находится в его теле, и как Лукреция пыталась следить за ним. Сейчас же эти два влияния, что затуманивали его внутренний мир и запутывали потоки Эфира в его теле, исчезли без следа.

Когда Шал лишился этих двух оков, наложенных на его сознание...

Подходя к пролому, Шал размял руки. Когда он выглянул наружу, то увиденное там заставило его затаить дыхание.

Над Герроарком Чаром, патриархом Стиля Бесконечной Жары, что валялся на земле, стоял некто с виду похожий на голема, в руках которого был молот и скипетр. Этот голем улыбался своим каменистым лицом, смотря сверху вниз на поверженного противника.

- Мне было приятно провести с тобой столь замечательный бой, но похоже, моя роль подошла к концу. Оставайся целым и живи, пока твои люди не будут петь похвальные песни в твою честь, - в свои последние слова голем будто вложил некое напутствие, что Шал никак не мог связать с этим существом. А потом тело голема начало истаять в воздухе.

- Пожалуй... соглашусь с тобой, - ответил Герроарк, поднимая себя с земли. - Бой с тобой послужит мне хорошим напоминанием не забрасывать свои тренировки. Полагаю с тех пор, как я стал Мастером, у меня было... столько хлопот. Твоя сила настолько превосходящая... что к ней грех не стремиться.

- На всё воля Создателя, - несколько странным грохотом ответил голем и пожал плечами. - У всех нас своя судьба.

После этих слов голем окончательно растаял в воздухе. Оставшиеся на месте принявшего свою судьбу блики огоньков быстро исчезали. Однако текущая ситуация поражала воображение. Мастер Герроарк получил в ходе сражения много тяжёлых ран, а часть его доспехов прекратила своё существование. На губах Герроарка была застывающая кровь.

Чуть в стороне над связанным Клаптрапом стоял Диввельтиан. На улице вокруг них валялось ещё несколько неподвижных тел. Кроме того в сторонке стояли в замешательстве две растерянные фигуры. Шал спрыгнул со второго этажа прямо на улицу, и взгляды всех присутствующих обратились к нему. Герроарк даже вздохнул.

- Возможно... последние несколько десятков лет я вёл себя глупо... Слава моей семьи – это пустое место, если моя сила столь упала... – пробормотал Герроарк, но когда потом он посмотрел на Шала, его глаза посерьёзтели, и он сказал: – Но я должен знать...

- Я не сын твоей внучки, – ответил Шал и сам удивился тому, как просто он это сделал. Такое его отношение заставило Шала задуматься над тем, кто был для него семьёй, и к кому он чувствовал привязанность. Всё это время он будто плыл по течению. Самым близким человеком для Шала был Пронто, и Шал был вынужден...

Шал закрыл глаза и отпустил эти воспоминания. С ними он разберётся позже.

- Это к лучшему, – с облегчением кивнул Герроарк. – Потому я нападу на тебя, но если у тебя хватит сил выжить, то это больше не будет касаться меня самого.

Шал в удивлении вытаращил свои глаза. Сразиться с Мастером...? В момент, когда он услышал эти слова, его тело пронзил дикий ужас, но вместе с ним пришло и некое безрассудство. Это безрассудство было тем, что поддерживало Шала всё эти годы и помогало ему расти над собой. Эту черту он перенял от Пронто. Несмотря на все свои недостатки... он был превосходным братом. Пронто был для Шала лучшим отцом, чем сам Аемон.

Мастера были ближе всех к идеалам Копейщика. Именно они господствовали над Эфиром этого мира. Они были способны создавать собственные большие Наборы Навыков, а самые талантливые могли создавать даже Навыки Души.

Но бой против них был бессмысленным по совсем другой причине. Они настолько управляли Эфиром мира, что могли отрезать от Эфира своих противников. Поначалу этот эффект был малозаметным, так со слабыми противниками почти ничего не случалось. Но чем сильнее был человек, тем больше он зависел от Эфира. И вот в схватке с Мастером он бы в скором времени обнаружил, что его образы теряют свою эффективность, пока не исчезают совсем, его тело слабеет, а воля трещит по швам.

То есть, навыки мало чем смогут помочь против Мастера.

Однако всё зависело от мира. Казалось, вот почему Мастер не смог сильно повлиять на того необычного голема, который, казалось, черпал Эфир из какого-то другого места. Но теперь голема больше нет...

Диввельтиан шагнул вперёд, но Шал покачал головой. Лучше всего не вовлекать в это ещё и Диввельтиана...

Раздался грохот, и около сражающихся появился Этон Тай, что поддерживал обессиленного Рэндидли. Как вдруг в груди Шала что-то перещёлкнуло. Это была его связь, это его семья.

Его ученик. Кто-то, за кого Шал нёс ответственность даже тогда, когда его одолевала буря эмоций.

Если бы не он, если бы не ветреный характер Шала, Рэндидли никогда бы не попал в этот мир. Шал два года заставлял этого мальчишку тренироваться в той тюрьме, пускай тогда он чувствовал себя несколько двояко, поскольку видел в своих действиях действия самого Аемона.

Пока Шал решал свои проблемы, этот парень продолжал сражаться, и казалось, что сейчас он был...

- У нас нет времени, - рявкнул Этон, бросая парня и свиток в руки Диввельтиана. - Этот глупец сделал очень многих своими врагами. Этот свиток сможет телепортировать вас на сто километров. Ты лучше меня знаешь, куда надо доставить его, чтобы он был в безопасности. Вперёд.

Диввельтиан задумался лишь на секунду, а потом он развернул свиток и вместе с мальчишкой исчез. Шал было потянулся к ним, желая что-то сказать, но было уже поздно...

Что он мог сделать? Что он мог сказать...? Шалу показалось, что Рэндидли сейчас не мог понять его...

Раздался ещё один грохот. Возле собравшихся появилась сверкающая проекция мужчины, которого Шал не узнал. Но если судить по реакциям Этона и Герроарка, они узнали прибывшего.

- Куда К ЧЁРТУ пропал тот мальчишка? - громоподобно проревела проекция.

Никто ему не ответил. Разговор зашёл в некоторый тупик. Четверо собравшихся, не считая связанного Клаптрапа, смотрели на прибывшего удивлёнными глазами. Сейчас те двое наблюдателей подошли ближе, попытавшись помочь Клаптрапу освободиться.

И вот, наконец, Герроарк махнул рукой, и Шал почувствовал, как от этого мир пришёл в движение. Проекция в ярости завизжала, бросившись на Герроарка, но она уже начала разлетаться в клочья. И когда она достигла Герроарка, то стала лишь сгустком энергии, что за мгновение распался в ничто.

Герроарк посмотрел на Этона и сказал ему:

- Сейчас... ты можешь быть свободным. У нас есть личное дело. Шал должен доказать мне, что убить его слишком сложно, или же...

К удивлению всех, даже Этон сам удивился своим действиям, но он покачал головой и произнёс:

- Нет... Я задолжал Гостхаунду одну услугу. Могу предположить, что эта услуга касается и его учителя. Сегодня он не будет сражаться в одиночку.

Небо над ними потемнело, и Шал почувствовал, как Эфир начал куда-то испаряться, становясь более далёким, более трудным в использовании.

- Как знаешь, - прорычал Герроарк, и его глаза сверкнули. - Тогда начнём же бой.

Рэндидли едва оставался в сознании. Чтобы не сделал тот ублюдок, но Рэндидли почти ослеп и не мог на чём-то конкретном сосредоточиться. Даже думать было больно. Использовать навыки... двигаться... выражать эмоции... говорить...

Из рта Рэндидли вырвался стон.

Тряска никак не способствовала этому, но вдруг она прекратилась. Пятна и цвета постепенно прекратили своё вращение, и Рэндидли собрал все свои силы, сосредотачивая своё внимание.

Он был... на платформе? Диввит стоял за её пределами, а рядом с ним стоял скучающий с виду мужчина, который нажимал...

В наполненном энергией воздухе вокруг Рэндидли начали появляться странные конструкции Эфира. Они привлекли к себе его внимание, и когда он сосредоточился на них, то сразу же пожалел об этом необдуманном поступке, поскольку навалившаяся боль вырвала из него ещё один стон. Голова Рэндидли сейчас болела настолько сильно, будто кто-то водил ржавым топором по его мозгу.

А потом...

Рэндидли сперва подумал, что это была улыбка на лице Диввельтиана, но какая-то пугающая. Но затем Рэндидли осознал, что эта «улыбка» находилась слишком низко и была слишком красной. Она была на шее Диввита и стекала вниз долгими полосами.

Диввит завалился вперёд, а тот скучающий мужчина вдруг встревожился, посмотрев своими донельзя удивлёнными глазами, широко распахнутыми от удивления, но потом он так же упал, а на его месте уже стояло новое действующее лицо, в каждой руке которого был один предмет.

Энергия пришла в движение и вспыхнула, затмевая взор Рэндидли, однако даже так он смог узнать человека, даже через этот кружащийся водоворот энергии. Этот мужчина казался разочарованным чем-то, а его имя было...

- Марко... Поло...?

Бурлящая энергия стала ещё ярче, и Рэндидли потерял сознание.

Когда Хелен добралась до гостиницы, она тяжело дышала. Или, если сказать точнее, она добралась до места, где раньше была гостиница.

Сейчас это место было ровнёхонькой площадкой. И никаких признаков Этона или Рэндидли. Просто дыра в земле в том месте, где раньше стояла гостиница. Хелен начала задаваться вопросом, как Диардан справится с такими разрушениями, когда так много построек исчезли с лица земли. Ведь до вмешательства Этона Стили предпочитали не предпринимать ничего иного, кроме как защиты самих себя.

Вот так люди запомнят этот Региональный Турнир.

Однако всё же здесь было несколько трупов, над одним из которых стоял рыдающий Клаптрап. Пустота и страх поглотили душу Хелен. Она пришла слишком поздно. Все... все ушли отсюда, оставив её совсем одну. Она не могла понять, откуда взялась эта твёрдая уверенность, но её душа буквально кричала ей, что они ушли. Это просто неопровержимый факт. А она...

Под ногами Клаптрапа неподвижно покоилось тело Роджера.

Хелен потрясло до глубины души то, как легко это имя впилося в её сознание, когда она посмотрела на него. Ему отрубили голову, а всё его тело было исчерчено ужасными ранами, пускай это и было для него нормальным. А его лицо...

Его лицо навечно запечатлело его выражение абсолютной уверенности и решимости. Когда Хелен сейчас так отчётливо увидела это его лицо, что будто застыло во времени, то Хелен в одно мгновение узнала, откуда взялось это выражение лица. Таким был Рэндидли, его плотно сжатые губы, прищуренные глаза и твёрдая, как сталь, вера в то, что он преуспеет на своём пути.

Хелен всегда считала, что Роджер был дальше всех от Рэндидли с точки зрения потенциала силы, ведь он казался ей таким несерьёзным, однако... Вот он лежит здесь, лежит на земле, именно таким она на всю свою жизнь и запомнит этого человека Роджера.

Может быть, он больше всех других следил за Рэндидли. Больше всех нуждался в нём. Больше всего жаждал быть похожим на него. В тот день их встречи гордость Роджера была сломлена. Он потерял своё высокомерие, основанное на его знаменитых предках, и потому ему нужно было позарез отыскать что-то другое. Какой-то источник своей силы.

Высочайшей самоотверженности и нежеланию отступить он научился именно у Рэндидли, который вне всяких сомнений был ярчайшим примером того, кто боролся всю свою жизнь и на кого хотелось положиться... В это мгновение эти два человека казались такими похожими, будто их лица накладывались одно на другое.

Но в то время, как глаза Рэндидли сияли его изумрудным сиянием жизни, глаза Роджера были мертвы и пусты.

– Знаешь, я убил его, – заговорил Клаптрап. – Убил потому, что я ненавижу вас всех. Я ненавижу за то... насколько слабым вы заставляли меня ощущать себя.

Хелен просто повернулась и пошла прочь.

– Мои слова выводят тебя из себя? – с насмешкой выдавил из себя Клаптрап, а по его лицу сейчас текли ручьи слёз. – Или ты боишься? Ведь сейчас я могу убить и тебя...

– Клаптрап, – тихо и мягко сказала Хелен, повернув чуть голову и оглянувшись на него через плечо. – Ты дрожишь.

После этого она повернулась и ушла. Да, испытываемые ею эмоции были отвратительными и ужасающими, но в её душе было что-то холодное, что-то одинокое. Она ни в какую не желала влезать в дела Клаптрапа и помогать ему решать его проблемы.

И вот так после внезапного отбытия Рэндидли все они остались наедине с самими собой.